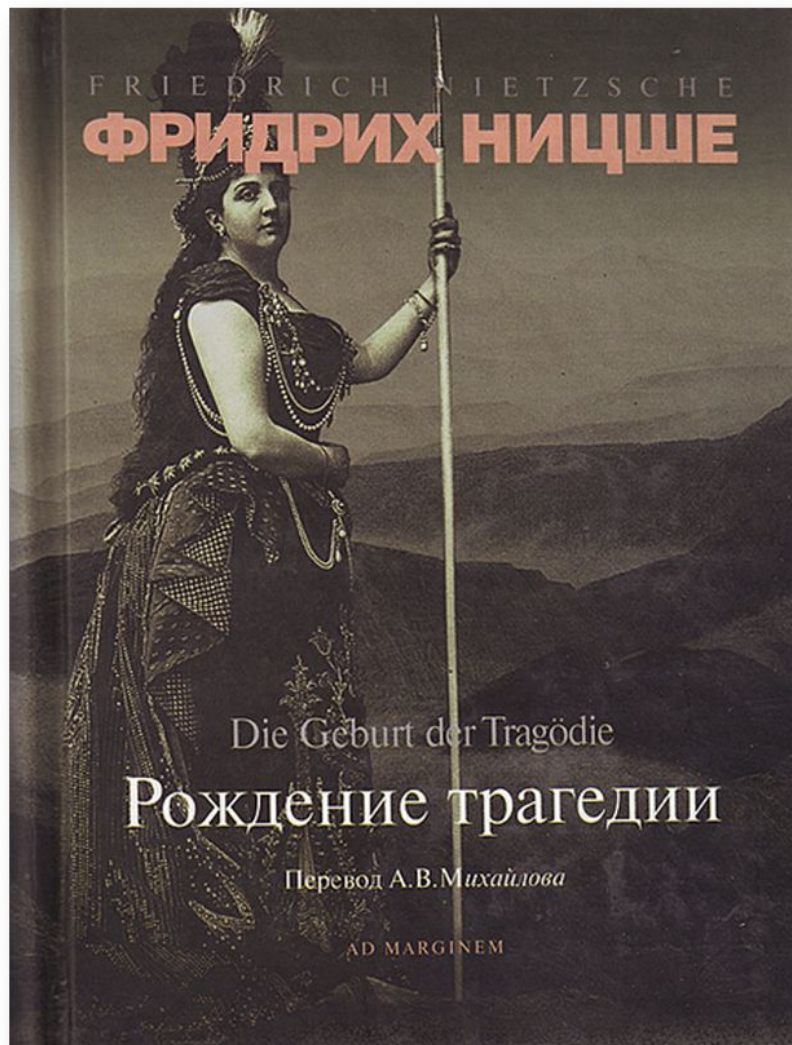

Аполлоническое и Дионисийское начала в культуре

Подготовила Куковская Дарья,
жур-721

Представим себе европейскую интеллигенцию девятнадцатого века, возводящую гармоничность и артистичность эллинизма в своеобразный культ. Все поголовно зачитываются *Гомером* и *Еврипидом* и изучают *Платона* без заметок на полях... Все видели в античности покинутый рай, и предавались глубокой «ностальгии», грезя о новом возрождении. И как раз в это время Ницше обращается к феномену **греческой трагедии**, родившейся из ритуальных действий почитателей Диониса. Тем самым он вырывает из забвения **дуализм аполлонического и дионисийского**, который так хорошо был знаком эллину и который ускользнул из поля зрения общественности в эпоху модерна.

Осмотревшись, можно обнаружить печальный расклад: сейчас многие изучают Ницше, решительно обходя его ранние труды стороной. Часто это делается в пользу так называемых «зрелых взглядов», изложенных в поздних сочинениях. Такое пренебрежение ни в коем случае не должно находить себе оправдания. В *«Рождении трагедии из духа музыки»* становится ясно, что дихотомия аполлонического и дионисийского носит универсальный характер. Ницше предложил посмотреть на культуру, как на выражение вечного конфликта иллюзорно светлой и неутешительно тёмной сторон человеческой сущности.

Ницшеанский дуализм начал – не что иное, как попытка интерпретировать культуру с помощью **антиномий** (противоречий) человеческого существования, которые в конце концов находят выражение в виде творческих импульсов и культурных тенденций.

АНТИНОМИЯ

-и, ж. (спец.). Противоречие между двумя взаимоисключаемыми положениями, сущностями, явлениями, каждое из к-рых доказуемо логическим путем, существует в отдельности. А. учений о смерти и бессмертии. А. духа и материи. А. между свободой личности и государством. || прил. антиномический, -ая, -ое.

ДИОНИС

- Сразу немного экзистенциальной риторики: образ бога виноделия напрямую связан с тем ужасом, который испытывает человек сталкиваясь с абсурдом жизни, страданиями, хаосом. Если следовать за афористичным слогом Ницше, то можно представить природный, бьющий ключом хтонический источник, который являет в себе Дионис. Он первичен по отношению к аполлоническому. Несмолкаемое журчание этого ключа нашептывает человеку о его природе: о его смертности, ничтожности. Вместе с этим существует и другая грань: дионисийское начало, помимо экзистенциального трепета перед титаническими силами природы, выражает **чрезмерность во всех человеческих инстинктах и аффектах**. Ключевым словом также будет **«опьянение»**. В первую очередь оно обозначает *эмоциональное слияние со стихийными началами: экстаз, наивысшую степень чувственности, страсть и экспрессию, льющуюся через край.*

Аполлон

- Если образ Диониса доступен по аналогии с опьянением, в случае с Аполлоном уместна другая аналогия – **сон**. Аполлоническое начало пытается скрыть от человека абсурдность и страдания жизни. Оно выражает такие оптимистические тенденции как вера во всепреодолевающий разум и прогресс. Аполлон постулирует недоверие к чрезмерности и хаотичности, а потому в мире находят своё место такие ценности как «порядок и мера во всём», аскетизм. *Соблюдение меры, упорядоченность и аскеза (отказ от жизненной энергии в её чрезмерности, если выражаться дионисийским языком) и потакание иллюзиям оптимизма – вот суть аналогии со сном, которую предлагает Ницше.*

Силен

- Естественно, покрывало иллюзий, в которое пытается зарыться человек, не может до конца скрыть от него бессмыслицу жизни. Дионисийский смех всё равно слышится в иллюзорном аполлоническом мире. Это отлично иллюстрирует миф о царе Мидасе и Силене, лесном боге из окружения Диониса.

Ходит стародавнее предание, что царь Мидас долгое время гонялся по лесам за мудрым Силеном, спутником Диониса, и не мог изловить его. Когда тот наконец попал к нему в руки, царь спросил, что для человека наилучшее и наименее предпочтительнейшее. Упорно и недвижно молчал демон; наконец, принуждаемый царём, он с раскатистым хохотом разразился такими словами: "Злополучный однодневный род, дети случая и нужды, зачем вынуждаешь ты меня сказать тебе то, чего полезнее было бы тебе не слышать? Наилучшее для тебя вполне недостижимо: не родиться, не быть вовсе, быть ничем. А второе по достоинству для тебя — скоро умереть".

Этот излюбленный антинатуралистами фрагмент, где внезапно открывается страшная дионисийская истина, подводит нас вплотную к теме взаимодействия начал. Суть в том, что как раз из-за неизоллированности друг от друга аполлонического и дионисийского миров и становится возможным движение культуры.

- Ницше предлагает ещё одну аналогию: отношения между началами напоминают отношения между мужчиной и женщиной. Принимая в расчет ницшеанское представление о том, как строятся отношения между полами, можно сделать вывод, что мы имеем дело далеко не с гармоничной сопричастностью. Скорее, с неоднозначным антагонизмом, который тем не менее является плодотворным. Взаимная необходимость Аполлона и Диониса во *взаимобуждении, взаимовторжении, взаимоподавлении, взаимопримирении* и прочих всевозможных **«ВЗАИМО»** является фундаментальной силой, порождающей феномены искусства и культуры. Любой созидательный импульс человека носит след непрекращающейся борьбы двух начал.

«Если верить в подобную двойственность творческих сил, на первый взгляд даже самая светлая тенденция, гордо тянущая свои вершины к аполлоническому небу, вынужденно зарывает свои корни в дионисийскую почву трагичных экзистенциальных переживаний. Туда, откуда проросла».

